

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В этом номере журнала мы публикуем отрывки из книги М.В. Поповича «Красный век». Это замечательное продолжение дискуссии, которая состоялась у нас на круглом столе, посвященном обсуждению Первой мировой войны как культурной катастрофы. (Материалы опубликованы в журнале «Идеи и идеалы», т. 1 № 4(6) за 2010 год). Обсуждение этих проблем продолжили статьи Г.А. Антипова и В.Я. Плоткина. И сейчас мы опять возвращаемся к данной теме.

Предисловие к публикации написано доктором филос. наук, проф. В.В. Целищевым, который и перевел саму книгу.

Попович М.В. Красный век. – Киев: Ертек, 2005.

В.В. Целищев

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск

Существуют две крайности в написании популярных книг по истории. Одна характерна обилием фактов, дат, имен и пр. Другая состоит в обильном присутствии домыслов и интерпретаций фактов, которые не являются убедительными и зачастую рассматриваются читателем как тенденциозные. Еще одна проблема, уже не просто с книгами, а с самой наукой историей, заключается в том, что чем ближе к нам события, тем труднее понять ход этой самой истории. Но, как иногда случается, бывают и счастливые исключения. Книга «Красный век» М.В. Поповича, которая недавно вышла на украинском языке, представляет собой подлинный триумф осмысления истории XX в.

Автор произведения, Мирослав Владимирович Попович, очень хорошо известен философам России. В настоящее время он является директором Института философии Национальной Академии Наук Украины. Будучи специалистом в области логики

и философии науки, он опубликовал несколько книг этой направленности. Кроме того, он является глубоким знатоком национальной культуры и языка; им написаны превосходные работы, посвященные украинской литературе и философии, включая исследования по Н. Гоголю и Г. Сквороде. Эрудиция М.В. Поповича поразительна; владея несколькими европейскими языками, он сведущ во многих областях знания. Кроме того, он превосходный рисовальщик и музыкант. Однако подлинной его страстью является современная история. Много лет он писал труд, который обрел печатную форму в виде великолепно изданной в Киеве книги в одну тысячу страниц. Издание богато иллюстрировано фотографиями, которые автор собирал несколько десятков лет.

Весь строй книги драматичен, поскольку автор рассматривает всю историю XX в. как последовательность кризисов. Первый кризис западной цивилизации связан с

Первой мировой войной, последствия которой привели к рождению тоталитарных режимов в Европе. Второй кризис связан с противостоянием на фоне Второй мировой войны коммунизма и фашизма, борьбы против диктаторских режимов Европы. Наконец, третий кризис – это холодная война, которая длилась на протяжении полувека, невероятно долгий срок для нашего стремительного времени.

Эта книга по жанру своему относится не столько к истории, сколько к философии истории. Так, рассматривая причины, приведшие к крушению западной цивилизации в результате Первой мировой войны, автор тщательно прослеживает ее истоки в немецкой «фаустовской» духовности, цивилизационном разломе на Балканах, в деле Дрейфуса и ирландской борьбе за независимость и многих других факторах, которые характеризуют менталитет европейской политики того времени. Здесь нет перечня дат или занудного перечисления событий; зато дано превосходное представление мотивов, которые лежали в основе трагических ошибок и решений, предопределивших ход истории XX в.

С неослабевающим вниманием читается та часть книги, которая начинается с Октябрьского переворота 1917 г. в России, и кончается Второй мировой войной. Превосходный анализ начала диктатуры пролетариата и его страшных последствий в виде Термидора 1930-х гг. является лучшим из того, что я читал об этих трагических страницах отечественной истории. Многие отрывки поразительного по точности описания и анализа событий Второй мировой войны я читал еще в рукописи в далеких 1960-х гг., будучи аспирантом Поповича в Киеве. Им присуща честность и объективность, которая характерна для только

недавно вышедших книг М. Солонина, Беспанова и др.

Наконец, третья часть, посвященная холодной войне, охватывает историю уже практически всего мира, начиная с речи Черчилля в Фултоне в 1946 г., прослеживая события в Китае, Японии и Индии, в Латинской Америке, подъем ислама и рождение Израиля, метаморфозы режимов в Советском Союзе, включая «перестройку» М. Горбачева. Это очень богатая и воистину авторская книга мыслителя, который превосходно знает факты, правдив, не подвержен идеологическим влияниям и стремлению угодить каким-либо политическим силам.

Одной из понятных особенностей книги является тщательное внимание к истории Украины на всех этапах трагического века. С моей точки зрения, для российского читателя очень важно знать историю братского народа, написанную видным ученым, публичным интеллектуалом; эти страницы позволяют избежать непредубежденному читателю от многих предрассудков, которые часто рождаются в результате ксенофобии и невежества.

Стиль книги превосходен, читая ее, получаешь подлинное наслаждение. В ряду книг по современной истории она занимает, по моему мнению, выдающееся место. Остается только надеяться, что у нас найдутся средства, чтобы издать этот поразительный труд на русском языке.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Октябрьский переворот стал возможным лишь благодаря Первой мировой империалистической войне, как мы в СССР привыкли ее называть, или Великой войне, как ее называли перед ее повтором – еще большей и еще более страшной Второй

мировой. Ни одна из империй Центрального блока не пережила поражения. В Германии победила республика. Австро-Венгрия развалилась на составляющие национальные части. Турция не признала поражения, продлила войну и установила европейскую националистическую диктатуру, окончательно потеряв характер исламской империи. Парадоксально, но поражение испытала также и одна из стран победившей Антанты – Российская империя, и в результате на ее пространствах была установлена неограниченная власть призрака коммунизма.

Колониальные «демократические империи» – Британская и Французская – пережили и Первую, и Вторую мировые войны. Они распались только в ходе Третьей мировой войны, холодной.

Ход Первой мировой войны хорошо изучен, приведены численные выкладки довоенного соперничества великих государств, в первую очередь в колониальной политике, сотни раз повторен вывод, что мир был разделен, и большие колониальные метрополии желали его передела. И мы привыкли к мысли о неизбежности первой Великой войны, поражения государств Центрального блока, разгрома Российской империи – и, таким образом, к мысли о неизбежности русской революции.

Но никто еще не доказал, что европейская экономика не могла развиваться без военного нарушения политико-экономического равновесия. А следовательно, никто не доказал, что решение *начать мировую войну* было следствием *экономической необходимости* и продолжением экономической истории.

Давайте забудем, что история не знает *сослагательного наклонения*. Достаточно делить бытие на будущее время, в котором

существует свобода выбора и ничего, кроме сослагательного наклонения, нет, – и прошедшее время, в котором все события плотно упакованы и связаны причинно-следственными связями. В храме науки прошлое, историю реконструировали как царство необходимости, но в будничной прагматичной политике пытались изучать ошибки предшественников и, следовательно, в будущем поправлять «историческую необходимость». Марксистские теоретики Красной Армии в Москве так же, как и генералы военной академии в Берлине, исходили из того, что поражения немецкой армии на Марне в 1914 г. могло бы и не быть, а следовательно, Германия *могла бы выиграть войну*, если бы не фатальные ошибки ее военного руководства. Другие военные теоретики утверждали, что произошло так, как должно было произойти, и фатум проложил-таки себе дорогу сквозь «толпу случайностей». И даже в СССР, где догматика исторической, в первую очередь экономической, необходимости под страхом наказания требовала, казалось бы, капитуляции перед Судьбой, невозможно было запретить умозрительный способ в истории. Ведь тогда лишними оказывались бы все государственные структуры, призванные силой менять ход истории.

Трудно отрицать тот простой факт, что каждую битву можно или *выиграть*, или *проиграть*. Другими словами, война является *игрой*, игрой со своей тактикой и стратегией, которая может быть верной или ошибочной.

А если так, то в 1914 г. *и сам выбор войны* как способа решения мировых конфликтов, возможно, был чьей-то колоссальной *ошибкой*.

Собственно, не раз даже и говорилось, чьей. Больше всего блефовал и самым ри-

скованным образом играл накануне войны император Германии. В основе агрессивности Рейха лежал опыт предыдущей франко-прусской войны 1870–1871 гг. При этом хотя франко-прусская война была самой кровавой из всех посленаполеоновских войн XIX ст., все же погибло на ней лишь немногим больше, чем в Крымской войне – в обеих странах вместе потери достигали 57 тыс. чел. убитыми¹. Когда император Вильгельм II перед лицом поражения сказал: «Мы не хотели этой войны», английский премьер-министр Ллойд-Джордж саркастически подтвердил: «Да, *такой* войны они не хотели».

В действительности именно *такой* войны не хотел и не предусматривал никто.

Что же было мотивом серии политических поступков, которые поставили европейскую цивилизацию на грань катастрофы?

С весны в 1905 г. до начала мировой войны насчитывают 6-7 политических кризисов, которые ставили Европу на грань войны. Каждый раз инциденты выплывали из франко-немецкого соперничества в Марокко или австро-российского соперничества на Балканах. Выстрел в Сараево повлек военный обвал неслыханных масштабов.

Борьба велась между империями, которые в XIX ст. были уже преимущественно колониальными.

Термин «колония» употреблялся со времен Рима и имел в разные времена разное правовое и экономическое значение. Слово «колония» – того же происхождения, что и слово «культура»; лат. *colō* значило «обрабатываю», «выращиваю». Колоном был всякий крестьянин, позже – крестьянин в особом крепостном статусе; колоном был так-

же всякий поселенец на новом месте. Не только в Риме, но и в Греции, еще раньше – в Карфагене; словом, город-государство в эпоху полисной цивилизации учреждал дочерний город, по-латыни – *колонию* (на Руси – *пригород*). Колонии учреждались на чужой, «варварской» территории. «Малая Эллада» находилась в Греции, «Большая Эллада» – на колонизируемых землях, например в Италии. С тех времен менялись правовые структуры колонизации, но колонией называли не всякую покоренную территорию, а лишь ту, которую заселяли и осваивали. В завоеванных Испанией землях Америки испанские поселенцы раньше назывались *колонами*.

В Древней Греции не ставилась проблема ассимиляции или хотя бы унификации прав греческого и местного населения: были эллины – и были варвары. Проблема унификации правового статуса метрополии и колоний в Риме была разрешена приравнением всех свободных обитателей подвластных территорий на основе «публичного права» (*jus publicum*). Римские традиции унаследованы преимущественно французским колониализмом. Французы объявляли колониальные территории чем-то вроде собственных департаментов, где все население считалось, так сказать, «политическими французами», и как-то учитывались культурные, религиозные, политические особенности аборигенов. В учебниках истории, по которым учились и в департаменте Сени, и в Сомали, и в Провансе, и в Гвинее, писалось: «Наши предки были большими и рыжими, и они назывались галлы». Франция ставила целью ассимиляцию аборигенов или, если это невозможно в результате большого культурного разрыва, такую *«ассоциацию»*, чтобы разница между французской метрополией (*la France*

¹ Урланис Б.Ц. История военных потерь. – СПб., 1994. – С. 106.

metropole) и французскими «заморскими территориями» (la France d'outremer) становилась как можно меньшей. Так когда-то великий Рим если не ассимилировал, то «ассоциировал» колоссальные европейские территории и заставил их разговаривать на настоящей или испорченной латыни, которая породила романские языки от Тахо до Дуная.

Английская колонизация больше похожа на эллинскую. В XIX ст. различались три типа заморских владений Британской империи: сеттльменты, или плантации, или *колонии*, как, например, Австралия и другие доминионы; торговые базы, или собственное владение (possessions), как Индия; военно-морские, или военные *базы*, как мыс Доброй Надежды, которые должны были обеспечивать жизнедеятельность первых двух типов владений. Творец нового броненосного военно-морского флота Великобритании адмирал Фишер писал: «Пять стратегических ключей, на которые закрывается земной шар, – Дувр, Гибралтар, мыс Доброй Надежды, Александрия и Сингапур, – все в английских руках!»². Англичане в колониях и владениях считались покровителями или представителями местного населения. Англичане оставались англичанами везде, куда бы их ни заносила судьба, и «свобода колоний» означала правовую автономию каждого *английского* заморского поселения. Британская империя, таким образом, не была *содружеством* наций (Commonwealth): это была империя англичан. Принцип колониальной свободы применялся к территориям, которые были «созданы британским народом или ... с таким дополнением британского народа, который бы позво-

² Цит. по: Д.В. Лихарев. Морские вооружения и милитаризм в конце XIX – первой трети XX вв. // Морской исторический альманах. Вып. I. – СПб., 1995. – С. 7.

лял ввести представительские институции»³. В эпоху колониальной экспансии расширяется территория владений вокруг военных баз и изменяются системы управления каждым типом, что и приводит к различению собственно колоний и доминионов.

Мир с *экономической* точки зрения распадался на «хозяйственные территории», и каждое государство хотело иметь территорию как можно более широкую и более богатую. С *культурной* точки зрения мир распадался на зоны, которые должны были быть интегрированы тем или иным способом вокруг больших европейских национальных культур. С точки зрения *военно-политической* мир был «закрывающимся» определенными «ключами», содержащим болевые точки, расположенные по всему земному шару, – и эти точки были или казались жизненно важными для существования Великих государств, *империй*. Так реально выглядел принцип «нации-государства» на пороге XX в.

Три измерения, о которых идет речь, – экономическое, духовное и военно-политическое – мы привыкли сводить к одному определяющему, экономическому. По крайней мере, политика является «концентрированным выражением экономики», а война является «продолжением политики другими средствами». К войне вели в таком случае экономические факторы, которые толкали народы и государства к «переделу мира».

«Загнивание» капитализма европейские левые теоретики видели в «стагнации» и «паразитизме», которые, якобы, находили проявление в переходе от экспорта товаров к экспорту капиталов.

³ См. Hannah Arendt. The origins of totalitarianism. San-Diego. – New York; London, 1979. – P. 127, 132.

Среди огромного количества книг и статей на темы колониальной политики и империализма, что писались в начале XX века, выделяются многочисленные труды «еретического» английского экономиста и политического писателя левой ориентации Джона А. Гобсона. Он отправился в 1899 г. в Южную Африку, чтобы писать об англо-бурской войне, познакомился с реальностью жизни колоний, с выдающимися персонажами тогдашней колониальной политики и пришел к выводу о том, что в колониях действует «особенно грубая форма капитализма»⁴. Гобсон написал около 50 книг, приблизительно по одной за год; в знаменитой книге «Империализм» (она вышла в 1905 г. и выдержала много изданий, на русском языке издалась в 1927 г. в Ленинграде) Гобсон обосновывал позицию, которая принималась позже всеми левыми, в том числе марксистами. Согласно Гобсону, через недопотребление внутри страны возникает избыток товаров и денег, которые направляются на поиски новых рынков и определяют колониальную агрессию. Борьба за колонии, таким образом, – это борьба за рынки сбыта и дешевые источники сырья.

Этот тезис был особенно старательно обоснован социал-демократическим теоретиком Рудольфом Гильфердингом, экономические выкладки и выводы которого были приняты В.И. Лениным (собственно, Ленин полностью принял теорию империализма Гобсона–Гильфердинга, дополнив ее только *политическим* выводом о том, что империализм является «последней и завершающей» стадией капитализма). Во второй половине века эти тезисы левых теоретиков

⁴ См. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. – М., 1968. – С. 121.

повторила, например, Анна Арендт в своем блестящем исследовании природы тоталитаризма.

Гильфердинг особенно настаивал на том, что протекционизм больших государств разбивал мир на изолированные «хозяйственные территории». Это должно было объяснить природу империалистической экспансии, эра которой началась в 1870-х годах и достигла апогея в середине 1880-х. Однако должно отметить, что, невзирая на протекционистскую политику, не было никаких признаков изоляции «хозяйственных территорий» – в 1870–1913 гг. обороты международной торговли выросли приблизительно в *четыре раза*⁵. Охранительные пошлины не компенсировали растущие возможности проникновения на «чужую» рыночную территорию, связанные с развитием транспорта, интернационализацией хозяйственной жизни, ростом и разнообразием потребностей национальных экономик.

Чрезвычайно красноречивы данные о *балансе* ввоза и вывоза (в млн франков)⁶.

	Экспорт		Импорт	
	1875	1913	1875	1913
Англия	7.106	15.175	9.424	19.330
Германия	3.065	12.120	3.907	12.900
Франция	3.837	6.870	3.537	8.421
Россия	376	3.323	4.490	3.004

У Англии и Германии, которые увеличили экспорт соответственно на 1/3 и в четыре раза, вырос еще больше импорт, а с ним и дефицит (особенно в Англии). Франция, в отличие от Германии и Ан-

⁵ Статистические данные взяты из книг: Władysław Rusiński, *Zarys historii gospodarczej powszechnej. Czasy nowożytne i najnowsze (1500–1939)*. – Warszawa, 1970. – С. 382.

⁶ Там же.

глин, в 1875 г. имела сальдо; увеличив экспорт почти вдвое, она увеличила при этом дефицит намного больше, чем Германия. Лишь Россия осталась в 1913 г. страной с даже немного улучшившимся сальдо.

Но большие государства не переживали при этом никаких трудностей! И фунт, и франк, и марка держались до войны очень крепко, как раз карбованец немного падал. *Большие государства имели большие деньги*, и платежный дефицит этих государств полностью компенсировался выгодами от экспорта капитала. Германии в 1913 г. для покрытия дефицита достаточно было притока от зарубежных вложений меньше чем на миллиард марок, Франции – полтора миллиарда франков.

Никакой стагнации и паразитизма не знал «загнивающий Запад» на рубеже веков, в период, который получил ироническое название «la belle époque» («прекрасная эпоха»). С конца XIX в. началась вторая промышленная революция; ключевые новации того времени – паровая турбина, электроэнергия, железные дороги, телефон, радио – дали огромный толчок индустриальной цивилизации. Экспорт капитала не только не свидетельствует о прекращении промышленного развития в государствах-экспортерах – он стал важным условием нагромождения капитала и, следовательно, новых вложений в экономику.

При этом *экспорт капитала осуществлялся в первую очередь не в колонии, а в развитые страны и страны, которые быстро развивались!* Так, вложения Англии на 1913 г. составляли 3763 млн ф. ст., в том числе на развитые страны, доминионы и Россию приходилось 1907 ф. ст., на Латинскую Америку – 1506 млн ф. ст. А на Индию с Цейлоном, классические колонии, приходилось всего 378.8 млн ф. ст. – приблизительно столько-

ко, сколько на Аргентину или Южную Африку! Все другие колонии привлекли менее 100 млн, «полуколонии» Китай, Египет, – всего лишь по 44 млн ф. ст.!

Франция вложила накануне войны в свои колонии *менее 1/10 своих инвестиций* (4 млрд фр. из 45 млрд) Капиталовложения Германии во всю Африку составляли 2 млрд марок из общей суммы в 23.5 млрд, т. е. тоже десятую часть, а в Россию – 1,8 млрд марок! За какие инвестиции она воевала?

В горячих точках планеты в преддверии войны продолжалась острая конкурентная борьба между банками разных стран-участниц. В России находилось 110 млн ф. ст., 11.3 млрд фр., 1.8 млрд марок; в Турции – 24 млн ф. ст., 3.3 млрд фр., 1.8 млрд марок; на Балканах – 2.5 млрд фр. и 1.7 млрд марок. Но в Америке и английских доминионах немцы имели намного больше – 7.5 млрд марок против 3.5 в Турции и на Балканах; Франция – 8 млрд франков против 5.8 в Турции и на Балканах!

Конечно, анализ экономических интересов и потоков капиталовложений покажет, что в случае военного выигрыша каждое государство получало и материальный, экономический выигрыш. Но об экономической *необходимости* военного выбора, т. е. об *экономическом крахе системы без насильственного «передела мира»*, не может быть и речи.

К сказанному можно прибавить, что борьба за «хозяйственные территории», или «распределение и передел мира», была борьбой за коту в мешке. Никто до завоевания каждой такой территории не знал толком, что на ней находится. Лишь в Северном Алжире до 1880-х гг., через полвека после его завоевания французами, был закончен период общего географического и геологического изучения; итог ему был подве-

ден в капитальном труде Ж.А. Баттанье и Л. Трабю, опубликованном в 1898 г.⁷ Несколько раз мировая война едва не вспыхнула из-за соперничества Франции и Германии за Марокко. Но география этой страны оставалась на период Марокканских кризисов 1905–1911 гг. тайной для европейцев. Лишь «дорога послов» от Танжера до Феса была более-менее известной дипломатам-разведчикам, и отдельные группы немецких путешественников в 70–80-х гг. XIX в. проникали в глубь страны, преимущественно под видом местных жителей или арабских купцов. В 1901–1907 гг. пять путешествий по Марокко осуществил французский геолог Бровей, в 1906 г. геологическую съемку здесь начал немец Маннесманн с братьями. Лишь после французской оккупации в 1912 г. началось систематическое изучение территории Марокко. В свете данных, приведенных в цитируемой книге об открытии Африки европейцами, вызывает удивление вывод авторов о том, что каждое из государств «хотело стать единоличным хозяином плодородных земель и богатейших недр Марокко»⁸. Откуда они знали в эпоху довоенных кризисов, что недра страны богатейшие?

В последней трети XIX в. экспедиции Стэнли, Ливингстона, бельгийского короля Леопольда, Камерона, Серпа Пинту, братьев ди Брацца, один из которых оставил нам название Браззавиля, десятков забытых английских миссионеров и немецких лейтенантов, часто – людей, которые слепым случаем были вовлечены в азартную игру открывателей новых земель и потом не могли уже вернуться к европейскому бытию, всех тех, кто пробирался среди

тропических лесов и болот водами Убанги, Уеле или Луалуби, искал легендарные земли, проходил невольничьими тропинками через горы Митумба и пастбища Приозерья, через саванны вплоть до побережья Индийского океана, где уже торговались языком суахили и где испокон веков рабов и рабынь продавали зинджам – чернокожим мусульманам, которые везли их на рынки стран ислама. «Британская Южноафриканская компания» Сесия Родса, «Независимое государство Конго», образованное лично королем Бельгии Леопольдом, английское «Церковное миссионерское общество», «Русское географическое общество», миланское «Общество для коммерческого исследования Африки», «Немецкое южноафриканское общество» и другие организации, которым не было числа; географы, охотники, ботаники, врачи, офицеры генеральных штабов, коммерсанты и просто авантюристы, которым не сиделось дома, – вся эта разношерстная публика делала крайне разнородную работу, исторический и человеческий смысл которой невозможно определить однозначно, тем более очертить просто как «раздел и передел мира». Этот смысл может быть открыт в соотношении всех тех открытий и овладений с общечеловеческим целым, что называется «мировой порядок».

Война 1914–1918 гг. не была войной за колониальные экономические интересы. Она оставалась национальной войной, как и войны XIX в., только приобрела глобальный и чрезвычайно сокрушительный характер.

ПЕРВЫЙ КРИЗИС XX СТОЛЕТИЯ: ИТОГИ

Итак, вернемся к общей оценке катастрофы, которая называется Первой мировой войной и включает такие последствия,

⁷ Лив. Горнунг М.Б., Липец Ю.Г., Олейников И.Н. История открытия и исследования Африки. – М., 1973. – С. 414.

⁸ Там же. – С. 415.

как Версальско-вашигтонская система и коммунистический режим (диктатура пролетариата) в России.

Проблемы, связанные с оценкой причин и общего характера Великой войны, занимали науку на протяжении всего XX в. и остаются предметом острого обсуждения и сегодня. Классические труды по поводу причин войны вышли во Франции в межвоенный период; это книги П. Ренувена «Непосредственные причины войны» (Париж, 1925) и «Исторические споры: 1914. Проблема происхождения войны»⁹. В послевоенное время острую дискуссию вызвала книга немецкого историка Ф. Фишера, которая вышла в 1961 г.¹⁰ и была переведена на французский язык в 1970 г. Дискуссии были просуммированы в книге Ж. Дроза «Причины Первой мировой войны. Историографический очерк», которая выходила в Париже двумя изданиями – 1973 и 1997 гг.¹¹ На месте битвы на Сомме в 1916 г., в Перронне, создан Музей истории Великой войны, при котором действует Центр исследований; на русском языке опубликована обзорно-аналитическая статья его президента Жан-Жака Бекера¹². Один из самых глубоких трудов на эту тему, книга выдающегося французского историка Же.-Б. Дюрозеля «Великая война французов (1914–1918)», законченная им незадолго до смерти и опубликованная

в 1994 г., вышла с подзаглавием «Необъясненное» («L'incomprehensible»¹³).

Необъясненным и необъясненным остается не только факт огромного национального подъема, который позволил французам выдержать чрезвычайное напряжение и непереносимые трудности войны, – так же, как и немцам, и всем другим участникам планетарной трагедии. Настоятельным остается и вопрос, как могло все это произойти.

Стоит ли для ответа на этот вопрос возвращаться к переоценкам *причин* Первой мировой войны?

По-видимому, не стоит. В конечном итоге, причины войны при всем их запутанном разнообразии описаны и установлены в необъятной литературе. Причины для прошлого всегда можно установить, но, как уже говорилось, история, когда она умирает и превращается в *книгу*, в архивно-музейное *прошлое*, теряет пульсирующее разнообразие своих нереализованных возможностей, а вместе с тем многомерность и, так сказать, выпуклость.

Об исторической необходимости, конечно, можно и нужно рассуждать. Но для этого нужно постулировать *абстрактную возможность* «другого хода событий» и показать, что этот «другой ход событий» *реально* был *невозможен*. А следовательно, нужно оперировать понятиями возможного и невозможного, мыслить категориями вероятностей. Исследования истории Великой войны на протяжении последних десятилетий сосредоточивались главным образом вокруг социально психологической проблематики, изучались мотивы поведения целых народов и разных социальных групп, *массовые* проблемы. Именно здесь мы выходим на

¹³ Duroselle J.-B. La Grande Guerre des Français (1914–1918). L'incomprehensible. – Paris, 1994.

⁹ Renouvin P. Les origines immédiates de la guerre. Paris, 1925. Isaac J. Un débat historique: 1914. Le problème des origines de la guerre. – Paris, 1933.

¹⁰ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik der Kaiserlichen Deutschland 1914/1918. – Dusseldorf, 1961.

¹¹ Droz J. Les causes de la première guerre mondiale. Essai historiographique. – Paris, 1973 (2me ed. Paris, 1997).

¹² Жан-Жак Беккер. Новое в изучении истории Первой мировой войны во Франции // Новая и новейшая история. – 1999. – № 6.

модальную историю, потому что настроения и мотивы действий больших масс людей существенно ограничивают варианты будущего. С решением массовых проблем мы вступаем в открытый мир возможностей и вероятностей.

Однако разговоры о возможностях, выбор и ответственность уже выводят нас за рамки чистой истории в область, которую более логично отнести к *философии* истории. Здесь мы стремимся рассматривать исторический процесс как целостность и ставим вопрос не о причинах и вероятностях, а о *смысле исторических событий*. И здесь нас ожидают проблемы, временами и нерешаемые.

Значение или смысл исторического события мы естественно отождествляем с совокупностью последствий, которые это событие потянуло за собой. Но такие катастрофические события, как война, имеют логично несовместимые *возможные* последствия, потому что война *может* закончиться по-разному, выигрышем – полным или частичным – или одной, или другой стороны. Потому что война является игрой, соревнование с неопределенным исходом. Следовательно, смысл катастрофы вообще, войны в частности совмещает противоречивые возможности, а это называют *абсурдом*.

Смысл катастрофы в том, что она является историческим абсурдом.

Пытаясь определить, какой смысл имела война, революция или другая катастрофа, мы опираемся на характеристики *мира*, который наступил *после* катастрофы. В сущности характеристика войны как справедливой или несправедливой – это всегда характеристика послевоенного мира. Но война, как и каждая катастрофа, имеет несколько возможных результатов. Пытаясь охарактеризовать смысл войны, мы характеризуем

смысл мира; а в чем же тогда смысл войны как таковой, как социального явления, как катастрофы?

Катастрофа является прохождением системы через «точку бифуркации», через *точку*, в которой все измерения совпали, слились в один. Вопрос о морально правовом, философском и политическом смысле катастрофической полосы истории не решен потому, что мы находимся здесь в ситуации исторического абсурда. Попросту говоря, и те, кто был исторически прав, несправедливо унижен и оскорблен, и те, кто был носителем зла и агрессивности, впадают в ситуацию «*беспредела*» и *вынуждены* делать глупости и свершать преступления. На то война – и на то таков ее позорный конец, как более-менее несправедливый мир. Критерии оценок поведения миллионов, втянутых в войну, мы берем из будущего, с того – *одного из многих возможных* – мира, который катастрофа породила.

Война, как и каждая катастрофа, не имеет смысла – она является историческим абсурдом. Но это не значит, что каждый человек – участник войны – живет и погибает бессмысленно и абсурдно. Каждый участник войны сам определяет смысл своей жизни. Если человек не является настолько бездумным и конформистом, чтобы погибать не задумываясь, он должен осознавать себя жертвой и сознательно идти тем самым на *самопожертвование*.

В условиях кровавого конфликта, где платят смертью или здоровьем за риск, и чужая и своя жизнь противопоставлена индивиду как отдельный и отчужденный объект. Человеческие жизни считают, как патроны и снаряды. Об этом можно научиться не думать, но так оно есть.

Конечно, есть огромное количество людей, которые на войне тупеют и теря-

ют чувство ежеминутного смертного риска, есть и такие, которые в военных условиях приобретают какую-то значимость, которой полностью было лишено их никчемное и рядовое гражданское существование. Есть понятие военной карьеры с ее всплесками и надеждами посреди грязи и крови. Но рано или поздно человек – жертва войны – должен почувствовать, что он *отдает* жизнь за какое-то дело, сообщество, идею, веру – за что-то, к чему он *причастен* или *принадлежит*. Когда масса определяет таким образом смысл жизни каждого принадлежащего к ней индивида и когда мир после победы имеет приблизительно тот смысл, который определял каждый для себя как смысл своей жизни и смерти, тогда говорят, что жертвы принесены не даром.

Иллюзия «небесполезности жертв» возникает всегда у победителя, каким бы ни оказался мир. А побежденный всегда страдает от сознания, что жертвы принесены зря. На грани исчерпания сил все участники конфликта могут чувствовать огромные сомнения, и тогда им нужно ощущение *принадлежности* к чему-то, выше индивидуальной смертности Я, что-то весомое и фундаментальное. Когда люди, большие массы людей начинают *сами* искать смысл и оправдание своей жизни и своей смерти, наступает самый рискованный момент для системы как целого. Под угрозой оказывается солидарность, на которой держится целостность системы.

Возвращаясь к безоблачным годам легкомысленного довоенного десятилетия, которые грубо оборвались гигантским общечеловеческим несчастьем, мы видим полное отсутствие понимания ведущими политиками всех государств *меры риска*, который они брали на себя или могли принимать во внимание в политической игре. Фатальные

ошибки, которые допустили руководители государств и армий, стали следствием скорее не каких-то новейших волонтаристских влияний, скажем ницшеанского мироощущения или киплингского комплекса завоевателя, а тривиальной ограниченности, стратегической и геополитической малообразованности, просто человеческой глупости. Генералы и политики мыслили так, как их предшественники пятьдесят-сто лет тому назад, и не понимали, чем они рискуют. То, что представлялось небольшой Одиссеей, оказалось ужасным путешествием на тот свет, в ад, откуда многим миллионам не суждено было выйти.

Примитивность военно-дипломатических решений накануне войны свидетельствует скорее о непригодности традиционных мотиваций в формировании национальных интересов.

Оценивая сегодня, с дистанции длинной в век, идеологию патриотизма и национального интереса, которая господствовала в тогдашних «нациях-государствах», можем констатировать ее «нормальность» и в то же время – недостаточность для новых условий. Чувство принадлежности к *своей* национальной культуре и родства в общей национальной судьбе на рубеже XX–XXI вв. мы считаем нормой. Даже возгласы немецкого либерального интеллигента «Благодарю Бога, что я родился немцем!» не имеют в себе еще тех агрессивных ксенофобских коннотаций, которые появились десятилетием позже у радикальных националистов. Что же, собственно, оказалось под угрозой в Первой мировой войне, что дало повод говорить о банкротстве национальной идеи? Что изменилось в нашем отношении к нации-государству на протяжении века?

Изменилось отношение к государству как *репрезентанту национального культурного бытия и национальной судьбы*.

Отождествление национальности как *Gemeinschaft*, как неформального сообщества и духа целостности с формальными структурами *Gesellschaft* и в первую очередь с государством – вот та черта самознания европейского общества, с которым оно входит в XX в. В меньшей мере это касается либерально-демократических обществ, в наибольшей степени – авторитарных. Национальный интерес, национальная судьба и «национальный дух» (в сущности – национальная культура) полностью и исчерпывающе должны быть представлены, предъявлены, наблюдаемы в виде государства с его бюрократией, дредноутами и заморскими базами – такая парадигма начала века, которая и привела к войне. Властные институты, пушки и территории и *есть нация* и носитель национального интереса.

Несоответствие национальной государственности титульной нации-*Gemeinschaft*, которое находит проявление в этнонациональной пестроте европейского мира, уже накануне войны поставило вопрос о формировании национального интереса на какой-то другой основе, чем это было привычным в традиционной многовековой государственной практике.

Для каждого сообщества проблема *солидарности* является одной из главных. Для государства – это проблема национальной (в политическом смысле слова) солидарности. Перед войной эту проблему заострили стремления больших государств расширить сферу властного контроля на новые и новые территории или хотя бы сохранить контроль над старыми завоеваниями. «Нация-государство» почти нигде не заключалась в рамки собственной этни-

ческой территории или не находила место большим этническим группам «чужих». Это дает повод и сегодня некоторым исследователям утверждать, что уже к Великой войне идея «нации-государства» обанкротилась. По крайней мере, мы можем отметить, что уже на уровне государственной репрезентации национально-культурных интересов этнически пестрого состава населения, даже в самых демократических тогдашних странах, существовало несоответствие политической нации и нации в этнокультурном смысле.

Стремление перевести национальные проблемы, по сути своей духовные и глубоко интимные, на язык институций и властных отношений чрезвычайно усиливало риск вооруженных межгосударственных конфликтов. А средства регуляции этих конфликтов человечество не выработало.

Кризис европейского общества обусловил не сам по себе принцип самоопределения наций, а отсутствие механизмов согласования эгоистичных национальных интересов.

С этой же точки зрения стоит подойти и к довоенным попыткам партий II Интернационала не допустить мировую войну. О крахе II Интернационала и позорном поведении его лидеров писалось еще больше, чем позже о неэффективности Лиги Наций. Будем все же справедливы: в начале XX в. не было другой политической силы, кроме социалистов, которая бы попробовала помешать разгоранию военного конфликта. Эта попытка оказалась неудачной.

В известной степени ее сорвала догматичная убежденность лидеров немецкой социал-демократии в том, что Германия находится на передней линии прогресса, в частности в борьбе с российской реакцией, и вот-вот станет первым социалистическим

государством. Однако, вряд ли это было главным мотивом поддержки агрессивного национализма Вильгельма.

Социал-демократы Германии были парламентской партией с постоянными заботами о своем электорате. Большевики много писали о том, что социал-демократическая бюрократическая верхушка рабочего класса изменила пролетарским классовым интересам. Но никто и не пытался доказать, что массовый избиратель, в том числе пролетарий, был против войны, а партийно-профсоюзные «бонзы» – за неё. Легенда об особенном прирожденном интернационализме рабочих – не больше чем легенда. Выше национальных предрассудков остаются в первую очередь достаточно тонкие прослойки интеллигенции и интеллигентных политических лидеров. Можно думать, немецкая социал-демократия очень рисковала потерять политическую поддержку достаточно широких масс простого люда, если бы решительно отказалась голосовать за военные кредиты. Этот прагматичный мотив и явился решающим в выборе политического поведения лидерами СДПН. В сущности, об этом пишут современные немецкие социал-демократические авторы Сюзанна Миллер и Гайнрих Поттхофф: «Пока шла речь об обычных кризисах где-нибудь в Марокко или на Балканах, батальоны рабочих масс единодушно выступали, как и в июле в 1914 г., против войны. Но в тот момент, когда региональный конфликт 31 июля явно перешел в большую войну, II Интернационал развалился. В России и Сербии, где социалисты, численно слабые и жестоко преследуемые, ориентировались на насильственную революцию, они выступили против военных кредитов. Во всех других странах – участниках войны, где рабочее движение имело

широкую, хорошо организованную, массовую базу и шло за партией демократических и социальных реформ, которая ориентировалась на парламентаризм, социалисты в своем большинстве солидаризировались со своей нацией и поддерживали правительство. Именно перелом в настроениях рабочих масс в момент начала войны показывает, насколько сильно рабочие в этих странах чувствовали себя частью нации и выросли в существующее государство»¹⁴.

В какой же мир вернулось европейское общество после сокрушительной войны? Был ли он лучше довоенного?

Как бы цинично это ни звучало, следует констатировать, что Европа в результате военного потрясения преодолела кризис западной цивилизации, в частности кризис принципов «нации-государства».

Война поставила под сомнение сам принцип национальной солидарности, вывела на историческую авансцену силы, которые пытались ее взорвать. Однако, в результате войны принцип национальной организации государства не только не развалился – он распространился с Западной Европы на центрально- и восточноевропейские и даже ближневосточные приприца. Мирная система усложнила территориальные проблемы национальных государств, она несла в себе возможность новых и новых межэтнических конфликтов, но все же опиралась на самоопределение наций.

Предусматривая возможность новых Балкан в послевоенной Европе, Версальско-Вашингтонская система впервые в истории попробовала реализовать идею международного правового механизма урегулирования конфликтов через Лигу наций. В адрес

¹⁴ Миллер С., Поттхофф Х. Краткая история СДПГ. 1848 – 1990. – М., 1999. – С. 75.

этой организации было высказано много упреков из-за того, что она оказалась в конечном итоге неэффективной. Сегодня эта старая проблема появилась в виде дилеммы – справедливая в моральном и правовом отношении, но малоэффективная Организация Объединенных Наций или эффективная, но сомнительная с морально правовой точки зрения организация вооруженных сил северо-атлантических государств – носителей принципов западной цивилизации. Проблема, таким образом, настолько сложна, что XX века не хватило для ее решения. Лига Наций была шагом в поисках эффективных средств реализации старой мечты о «вечном мире».

На формирование послевоенной «Версальско-Вашингтонской» системы повлияло и то обстоятельство, что в большинстве стран-победительниц левые и центристские силы были оттеснены от власти консерваторами.

В первую очередь это случилось в США, где партия Вудро Вильсона проиграла республиканцам. Американские консерваторы сочетали безудержный либерализм в экономической политике с изоляционизмом во внешней и от Лиги Наций США отделились, что резко уменьшило ее возможности.

Во Франции на выборах победил Национальный центр, который собрал около трех четвертей голосов; следствием стало укрепление правого крыла французского политикума, особенно после падения Клемансо. Клемансо политически был более близок к Национальному центру, чем к левым – радикалам и социалистам, которые потерпели ощутимое поражение. Устранение Клемансо имело скорее личные причины – сильная личность, он по характеру был абсолютно непереносимым деспо-

том, что можно было терпеть в годы войны, но не в мирные годы. Но его личные противники, в первую очередь тандем Пуанкаре – Мильеран, были явно на правом и консервативном фланге республиканского центра. Агрессивный националист и очень рядовой политик, Пуанкаре усилил те анти-немецкие тенденции Версальской системы, которые определено проглядывались и в политике Клемансо.

Выборы в канун Парижской мирной конференции усилили коалиционное правительство Ллойд-Джорджа, который подавался критике со стороны обеих оппозиций – левой лейбористской и правой консервативной антикоалиционной. Однако уже после конференции поражение потерпело и правительство Ллойд-Джорджа, а с ним навсегда сошел с политической авансены английский либерализм.

В новых национальных государствах востока Европы, которые уцелели под натиском коммунистических сил, естественно господствовали правые политические группировки. Все это деформировало исходные замыслы левоцентристских либерально-демократических конструкторов послевоенного мира.

Тем не менее утверждение принципа национальной государственности привело не только к признанию права наций на самоопределение, – хотя бы декларативного и хотя бы только для Европы, а не для колоний, – но и к решению ряда запущенных европейских болезней. Среди них едва ли не первой была ирландская проблема, которая в конечном итоге была разрешена в духе английского либерализма. Ирландия, за исключением Ольстера, наконец получила самоуправление, которое естественно переросло в государственную самостоятельность. Чрезвычайно сложная австрий-

ская проблема была также разрешена в интересах принципа национального самоопределения.

Последнее достижение, нужно сказать, было связано с большими жертвами. Первый канцлер новой Австрийской республики, социал-демократ Отто Бауер, в своей речи 7 июня в 1919 г. в Учредительных собраниях немецкой Австрии произнес речь, которая стала пророческой.

«Десять миллионов немцев жили в прежней Австрии на одной территории с другими народами. Когда Австрия развалилась и на руинах австро-венгерской монархии выросла молодая республика, мы намеревались объединить эти 10 млн немцев в нашем новом государстве. Но условия мира, которые теперь нам навязывают, отрывают от нашей республики немецкие земли, где живет больше чем 4 млн немцев. Не меньше чем две пятых нашего народа окажется под иностранной властью без плебисцита и вопреки их несомненной воле. Они лишены, таким образом, права на самоопределение.

В первую очередь мы теряем самую богатую промышленную часть немецкой Австрии, наиболее цивилизованную, именно ту часть, где находятся наши самые большие заводы и самые развитые сельскохозяйственные предприятия; население этой части опередило все другие области немецкой Австрии своим промышленным и духовным развитием. Я имею в виду нашу немецкую Богемию и Судетскую область»¹⁵.

Отто Бауер был полностью прав. Его предостережение отчасти поддержал и Ллойд-Джордж, который предвидел серьезные осложнения европейского мира

¹⁵ Цит. по: Ллойд-Джордж. Правда о мирных договорах. – М., 1957. – Т. 2. – С. 154–155.

на почве чешско-немецких противоречий. Но «немецкая Богемия» и «немецкие Судеты» были результатом исторической несправедливости, длительного онемечивания чешских этнических земель. Независимая Чехия без «немецкой Богемии» и «немецких Судет» превратилась бы в крестьянскую провинцию Европы. Как быть в такой ситуации?

Аналогичные проблемы возникали и в других новых государствах, что уже тогда чуть ли не привело к военным конфликтам. Между прочим, среди хорватских лидеров, которые тогда выступали за объединение с Сербией в единой Югославии, был и вице-президент Национального Совета в Загребе Анте Павелич, будущий лидер хорватских фашистов-усташей; тогда хорватским националистам было более выгодно быть вместе с победителями-сербями в одном государстве, чем нести ответственность за политику Австро-Венгрии. Но даже этот союз был непрочным.

Предусматривая подобные обострения межэтнических взаимоотношений на почве нерешаемых территориальных проблем, Вильсон, автор «Четырнадцати пунктов», в которых провозглашалось право наций на самоопределение, до последней возможности держался за перспективу демократической Австро-Венгерской республики, где бы самоопределение оставалось культурным и не доходило бы до государственной независимости. Но жизнь взяла свое – после поражения венгерские военные части подчинялись только венгерскому Национальному Совету в Будапеште, чешские и словацкие – Национальному совету в Праге и так далее.

Экспансия немецкой нации на Придунавье и Балканы реализовалась в империи Габсбургов, центре католической культуры

в Средней Европе, тесно связанной с культурой Италии, с одной стороны, и протестантской и католической Германии – с другой. Немецкоязычной и ориентированной на Вену оставалась вся высшая профессиональная урбанистическая культура империи, в том числе венгерская, и в сильно развитой национальной оппозиционности очень ощутимым был провинциализм. Немецкий и венгерский элемент оставался подавляющим в численном отношении и влиятельным во всех национальных регионах. Новый виток противоречий был бы крайне опасным.

Однако в лихую годину империя Габсбургов не смогла найти идею, которая бы поддержала в целостности разноэтнические лоскуты. И без каких-либо катаклизмов она немедленно развалилась на национальные составляющие.

Единым супернациональным государством, которое пережило катаклизмы войны, стала коммунистическая Россия. Она сумела найти ценности, которые радикально заменили идеалы «Бога, царя и отечества».

Коммунизм, таким образом, оказался единственной жизнеспособной альтерна-

тивной национально-патриотическому решению. Европейский разлом прошел через сердце еврейского этноса, который получил надежду на радикальное решение еврейской проблемы через интернациональную коммунистическую государственность. С другой стороны, ответом Запада на массовые явления в политически активной еврейской среде была декларация Бальфура, которая открыла эпоху становления еврейского государства в Палестине. Исправление исторической несправедливости в этом случае было с точки зрения отношений с соседями еще более рискованным, чем аналогичные решения в Европе.

Образование новых национальных государств могло породить новые, еще более тяжелые конфликты. Курс на самоопределение наций не давал никакой гарантии в том, что результатом развития будет утверждение западной цивилизации, а не падение, в трехбалльное этническое сознание с его ограниченностью и ненавистью. Это был риск.

Но возрастание риска – черта прогресса в условиях новейшей цивилизации.